

Константин Темиров

В начале было слово

Есть голоса и отголоски. Голоса давно смолкли, отголоски ещё звучат. Поэзия Марии Козловой – один из таких отголосков, запоздалое эхо Серебряного века. Быть отголоском – не унижение, а редкое достоинство: кроме отголосков, от поэтической мистерии XX века уже ничего не осталось. Мы слышим последние звуки, но и они скоро сойдут на нет. Видимо, поэтому в стихах Марии Козловой так много внимания к музыке – к той мистической сущности мира, о которой писал Блок и которую слышат только поэты:

О чём ты так медленно пишешь
И так тяжело говоришь.
Ты выжил. Ты музыку слышишь.
Ты сам из неё состоишь.

Совмещая традицию и современность, нагружая классические размеры новыми, созвучными нашему времени смыслами, Мария Козлова прибавляет к поэтическому хору свою оригинальную ноту. Она – неотъемлемая часть русской просодии. Её стихи можно узнать даже без подписи.

Есть у Козловой и своя особая роль, особая партия в этом хоре: она не продолжает традицию, она её завершает. Писать так, как пишет Козлова, уже нельзя. Ей выпало счастье поставить точку.

Марию Козлову нельзя читать. В неё нужно вчитываться. На поверхности она проста и легкомысленна, как детская считалка или частушка. Но в глубине её скрыты алмазы:

* * *

Ах, как хочется очнуться
И войну не выбирать...
Там, глядишь, стихи вернутся,
Чтобы дома умирать.

Но – в каком не помню – веке
Голос тихий говорит:

Были персы, Спарта, греки,
Фермопилы, Леонид.

Был ещё сосед по парте –
Он за родину погиб.

За один её на карте
Незначительный изгиб.

Всего одно точное слово, один меткий эпитет («незначительный») – и стихотворение взлетает! Казалось бы, такой жуткий прозаизм, такое далёкое

от поэзии определение («незначительный»), а какую драму оно создаёт в четырёхстопном хорее! В этот «незначительный изгиб» уместилось столько человеческих судеб, что слово, вопреки словарной дефиниции, меняет своё значение на прямо противоположное: незначительный изгиб становится здесь значительным. Или же так: слово сохраняет своё исходное значение, но обесценивает плоть и кровь.

Поэт, в отличие от inferнальных «изгибов», не может обесценивать плоть и кровь. Он, напротив, живёт для того, чтобы их бесконечно славить! В новых стихотворениях Марии Козловой я слышу эту пронзительную религиозную ноту. Она звучит «под сурдинку», прячется в антиподах («вино превращается в воду» – там, где вода должна превращаться в вино), но даже извращённая цитата подсказывает нам направление взгляда – то, на что в действительности смотрит поэт, пусть и укрдкой:

* * *

Война вчера не началась –
Весна опять не наступала.

Да и кому она сдалась...

Да и на что её хватало...

Какая мука говорить,
А не ловить себя на слове.

Как будто слово может быть
Хоть в чём-нибудь честнее крови

Она краснее на словах...

А всё ж они молчать не в силах –

Они как розы на могилах,

Как поцелуи на губах.

В этом контексте, рядом со словами «кровь» и «любовь» («поцелуи на губах» – эвфемизм «любви»), становится, наконец, понятно, что стоит за словом «слово» в поэтическом мире Козловой. «В начале было Слово» – не в эту ли сторону смотрит она, развлекая нас изящной «болтовнёй»? Слово, Истина, Сын – не это ли подлинный ряд смыслов, который проступает сквозь словесную мишуру стихов? И хотя Козлова пишет (нарочно опускаясь до профанации): «Слово – наш испытанный, к тому же // Самонаводящийся снаряд», кажется, что за «Словом» в её поэзии всё же стоит *Христос*.

Неудивительно поэтому, что у Козловой так много стихов о *любви*. Нельзя называть эту *любовь* нарочито евангельской, но в поэзии слова бесстыдно обличают друг друга, кивают на соседей по строке и подмигивают взыскательному читателю: глядя на стихотворения Марии Козловой в целом, сличая намёки и оговорки, рано или поздно приходишь к мысли, что её творческая интенция направлена именно сюда – в сторону той *Любви*, которая пишется с прописной буквы. Связь *Любви* со *Смертью* – важное тому подтверждение:

* * *

Есть у любви одна примета.
Сказать точнее не могу.
Она не то, она не это –
Одна иголочка в стогу.

Стихи печатает журнальчик,
Цветок роняет лепесток.
А ты ходил за ней, как мальчик,
Держал её за локоток...

Одна единственная нота,
Сто раз пропетая! Ну, да...
И вот опять ведёт кого-то
Из ниоткуда никуда.

И верил, и не верил свято,
Что всё получится само.
Нет, не твоя она – ничья-то.
И невозможное возмо...

Пропуск последнего слога – не просто стилистический приём. Так, на любом случайном слове, внезапно обрывается жизнь.

Мария Козлова не боится «вывихивать строки». В деликатнейшем из всех размеров – двухстопном анапесте, который восходит в русской поэзии к Иннокентию Анненскому («Полюбил бы я зиму...»), Козлова громоздит поперёк строки одно-единственное слово, ломая его состав под натиском двух ударений: «ослепительная». В таком уродстве – правда жизни. Любовь к «ухабам», смирение перед «ухабами» – свидетельство поэтической зрелости. Ведь мало музыку слышать. Нужно ей ещё подчиниться. Только так, пройдя через все перебои ритма, споткнувшись на всех поэтических кочках, можно попасть наконец на свою волну, и, уподобившись Спасителю, однажды пойти по водам:

* * *

Тишина наступает
Под предлогом любим,
И огонь не сгорает –
Превращается в дым.

Так стоишь, привыкая,
На краю бытия.
Тишина-то какая
Ослепительная.

Ни о чем не мечталось –
Ничего не сбылось –
Только то и осталось,
Что надеждой звалось.

Как душа человека –
Ни о чем и нигде.
Словно вышел на реку
И идешь по воде.

Примечание:

Константин Темиров – родился в 1986 году. Окончил Литературный институт им. Горького. Автор книги стихотворений «Сквозь вечер» (2015 г.).